

Дмитрий Кирилин

Мой друг ушёл на СВО,
оставив свой смартфон в квартире,
покинув жизнь в уютном мире,
от комаров закрыв окно.

Ему наскучила рыбалка
и блики на речной волне,
метался он, как тигр в клетке,
от репортажей о войне.

Мой друг ушёл на СВО,
не за наградой или славой,
чтобы над курскою дубравой
не замолкали соловьи.

В Святых горах качается рябина,
чернеют антрацитом небеса,
жила в свободной Горловке Кри-
стина,
в церквях о ней звучали голоса.

Её короткой жизни паутинка
оборвана осколками войны,
растаяла упавшая снежинка
от пламени аресовской звезды.

Крупницами потерянного счастья
усеяна донецкая земля,
над городом гремит сезон ненастья
и под ногами отблеск хрусталия.

На терриконах покрывало снега,
границу чертит огненный пунктир,
дыша холодным воздухом от бега,
соединился на Донбассе русский
мир.

Донская вода

В бескрайней степи
ковыль и типчак,
на солнце кристальный
блестит солончак.

И пятнами маки
на мокрой траве,
и отблески света
на остром штыке.

Кровавую жатву

весна собрала,
лист календарный
кричит - сорок два.

Барвенковский выступ,
Донбасс, Сталинград.
Я знаю, что надо,
"Ни шагу назад!"

Земляк прислонился
к амбарной стене,
открытку подпишет
в последнем письме:

«Излучина Дона,
родная земля,
на берегу правом
пылают поля...»

Но мать не получит
письма никогда,
как маки алеет
донская вода.

В городе южном снег
на землю падает ниц,
из поднебесных книг
кто-то нарвал страниц

Недочитанных строк
разметал на ветру,
в белых одеждах степь
встречу я поутру.

Грани разбитых снов
вмёрзли в озёрный лёд,
множество тёплых слов
греют как горный мёд.

Бронзы тягучий гул
вновь звучит благовест,
среди ивовых ветвей
золотом блещет крест.

Взбита в молочную пену
дымка туманного дня,
под сахарным тающим снегом,
кофейно сырая земля.

Среди городского массива
открыт фантастический вид,
посланником дальнего мира
треножник Уэллса стоит.

Остались остовы из стали
от инопланетных гостей,
добычею воронов стали,
для Марса не будет вестей.

Загадочна тихая дымка,
не сбился экспансии план,
в потоках ионного ветра
плывёт кораблей караван.

Над темной парною землею
похожей на черный бисквит,
воткнутой в глазури свечою,
оборванный провод искрит.

Затихли якорные цепи,
ржавеют рыболовные суда,
не принесёт в расставленные сети
добычи омертвевшая вода.

В музеях под фальшивым светом
глазеют на подставках муляжи,
в степной пыли под ультрафиолетом
проносятся сайгаков миражи.

Природой мы назначены к ответу,
на заповедных тропах тишина,
когда придёт наш час на свете этом,
закончится с обителью война.

Ладони холодит здесь мрамор и гранит,
у крайнего столба отогнут ржавый стержень,
когда горячий шар поднимется в зенит,
увянут лепестки оборванной надежды.

В воротах ни души, лишь нищий сторожит,
для встреч родимых душ не спросит разрешенья,
протоптанной тропой идти меж черных плит,
туда, где в тишине живёт одно забвенье.